

— Как я могу его удержать? — запричитал Нянь Вэй, едва не плача. — Даже Юньци уже на пределе! Вставайте же, господин, умоляю, сжальтесь!

Снаружи послышался манерный, издевательский голосок Бай Тинби:

— «И с той поры правитель позабыл про утренний приём!» Нянь Вэй, не лей слёзы попусту, это бесполезно.

Ян Е, раздосадованный этим шумом, неохотно сполз с постели. Наскоро одевшись, он вышел из шатра и столкнулся лицом к лицу с этой парочкой. Заметив его довольный, разомлевший вид, Нянь Вэй скорчил кислую мину:

— Ну и сладкая же у вас жизнь, маркиз! Вы так славно почивать изволите, а мы тут чуть головы не лишились. Идёмте скорее, господин, прошу вас!

Зевнув во весь рот, Ян Е строго приказал караульным бдеть у входа и ни под каким видом не выпускать того, кто остался внутри.

Шагнув в шатёр брата, он застал Ян Си за столом: тот подпирал подбородок ладонью и смотрел на вошедшего с едва уловимой, многозначительной усмешкой. Поодаль сидел Бэйчэнь Цин; его правая рука покоилась на перевязи, так что ложку ему приходилось держать левой.

Ян Е заискивающе улыбнулся:

— Братец, что за спешка? С чего вдруг такой переполох? Мне сказали, ты не на шутку разгневался.

Слуги разлили по пиалам наваристую рисовую кашу. Едва полог шатра опустился за последним стражником, Ян Си холодно заговорил:

— А как мне не гневаться, если тебя приходится упрашивать по три раза? Я звал тебя разделить трапезу и обсудить дела. Нам пора заканчивать здесь. Оставим гарнизон для острстки и как можно скорее двинемся в Лоян.

По лицу брата пробежала тень, и Ян Е, уловив его тяжёлый настрой, поспешил примирительно сесть рядом:

— Как скажешь, братец. Всё сделаем, как ты решишь.

Ян Си придвинул к нему тарелку с тонко нарезанной вяленой ветчиной — любимым лакомством брата — и продолжил ровным, но не терпящим возражений тоном:

— Возвращаясь, мы берём в свои руки бразды правления всей империей Да Янь. Дело это великое и опасное. Сяо Лан, запомни: некоторых людей тебе с собой брать нельзя. Избавься от них, пока не поздно.

Ян Е ждал этих слов и заготовил ответ заранее:

— Почему же? Ты принимаешь Поднебесную, братец, а мне до этого дела мало. Моя слава взбалмошного повесы и без того гремит на всю страну. Пусть болтают что угодно, мне плевать.

— Дело не в досужих сплетнях, — отрезал Ян Си. — Его зловещий рок... В такое можно не верить до конца, но и сбрасывать со счетов глупо. Кончина Ян Тао — лучшее тому подтверждение. И не пытайся убедить меня, будто это ты прикончил императора. Я прекрасно знаю, как всё было на самом деле. Раз он сумел хладнокровно задушить Ян Тао сегодня, где гарантия, что завтра, если ты перейдёшь ему дорогу, его рука не поднимется на тебя?

Ян Е понурил голову. Он вяло катал по столу тарелку с ветчиной, поворачивая её то так, то этак, совершенно потеряв аппетит. Ян Си пристально следил за его движениями, а затем заговорил тише, и в его голосе прозвучала редкая горечь:

— Вспомни, как много лет назад мы приехали в Чанъань, чтобы вымолить аудиенцию у старого князя Цэня. Нам отказывали под любыми предлогами, дары возвращали назад, а старшая уездная принцесса Цэнь и вовсе выставила нас вон как бродяг. Помнишь, как я вёл тебя за руку по шумным улицам Чанъаня? На душе у меня тогда было пусто и страшно, я понятия не имел, куда идти и что делать дальше. Кто из нынешних льстецов знает, через какие унижения и лишения нам пришлось пройти? В самые чёрные дни со мной оставались только ты да Юньци. Мы выстояли, зубами вырвали свою победу, и теперь, когда цель так близка, я ни за что не позволю беде случиться с кем-то из вас. Я не могу смотреть, как ты губишь себя ради этого безумца. Ты понимаешь меня?

Ян Е поднял взгляд. Его улыбка вышла блёклой и натянутой:

— И... чего же ты от меня требуешь, братец?

— Решай сам, — ответил Ян Си. — Ты потратил слишком много сил, чтобы поймать его, так что тешься, пока мы здесь. Но когда настанет пора трогаться в путь, мой Сяо Лан проявит благоразумие и поступит как должно.

Улыбка застыла на губах Ян Е, превратившись в безжизненную маску. Спустя долгую, гнетущую минуту он глухо произнёс:

— Братец... Тогда, на заставе Фэньюй, ты ведь дал клятву. Сказал, что когда завоюешь Поднебесную, исполнишь по одному нашему с Юньци желанию...

Ян Си резко взмахнул рукой, обрывая его на полуслове:

— Обещал и исполню. Но неужели ты всерьёз думал, что я потащу тебе в угоду этой нелепой, опасной блажи?

— Это не блажь! — горячо возразил Ян Е. — На этот раз всё серьёзно, брат! Плевать мне на Одинокую звезду Небесного Демона, я её не боюсь! Если ты так тревожишься, я отыщу лучшего прорицателя, мы перепишем его судьбу, разрушим этот рок... Я правда ничего не боюсь...

Ян Си с силой ударил ладонью по столу, заставив пиалы звякнуть:

— Если бы проклятие можно было снять так просто, разве Ян Тао не сделал бы этого давным-давно? Стал бы он дожидаться, пока ты явишься на всё готовое? Ступай к себе и хорошенько подумай. Сколько у тебя было этих смазливых игрушек? Ни одна не удерживала твоего внимания дольше пары дней. Пройдёт неделя-другая, и ты сам к нему охладеешь. А теперь — ешь.

Кусок не лез в горло Ян Е. Кое-как дождавшись конца этой мучительной трапезы, он надеялся ускользнуть, но Ян Си настоял, чтобы они вместе отправились на осмотр Янчжоу. Не смея перечить старшему брату, Ян Е послушно потащился следом и вернулся в лагерь лишь к полудню.

Едва ступив на территорию лагеря, он заметил Нянь Вэй — тот крутился возле его шатра, так сильно волнуясь, что места себе не находил. Скользя быстрым взглядом по Ян Си и убедившись, что тот не обращает внимания, Ян Е поспешил к слуге и негромко спросил:

— Что стряслось?

Нянь Вэй отчаянно замахал руками, залепетав захлёбывающимся шёпотом:

— Лекарь там, внутри! У него жар, господин! Горит как в огне, бредит! Мы только вас и ждём.

Ян Е стремительно ворвался в шатёр, на ходу бросая:

— Лекарство приготовили? Отвар сварили?

— Всё готово, до последней капли, — понурился Нянь Вэй. — Да только... никто из нас не отважился влить ему это в рот. Мы... побоялись к нему прикоснуться.

«А ну как очнётся посреди процесса да придушит нас к чертям собачьим? — трусливо подумал слуга. — Жизнь-то у нас одна!»

— Тоже мне, грозный зверь нашелся! — фыркнул Ян Е. — А ну, дай сюда!

Лин Шу лежал, укутанный по самые уши в плотное ватное одеяло. Его покрасневшее лицо наполовину утопало в мягкой подушке. Понаблюдав за ним несколько мгновений, Ян Е бережно приподнял его, взял из рук Чжунли Чжэня чашу с горьким снадобьем, ловким движением сжал точёные челюсти пленника и в один приём влил лекарство ему в горло.

Уложив бесчувственное тело обратно, он обернулся к застывшему Нянь Вэю:

— Видел? Вот так это делается. Учись, пока я жив.

Нянь Вэй испуганно втянул голову в плечи и благоразумно промолчал. Ян Е тем временем повернулся к старому лекарю, терпеливо ожидавшему в стороне:

— Вчера ты уверял, что это обычное истощение сил. С чего вдруг поднялся такой жар?

Старик замялся, подыскивая слова и не смея поднять глаз. Ян Е нахмурился:

— Ну же, не мычи! Как ты его осматривал?

— Ваша светлость... — лекарь тяжело вздохнул, утирая пот со лба. — Тело этого господина истощено до крайности. Не соблаговолил ли почтенный маркиз минувшей ночью... проявить излишнее рвение в любовных утехах?

— Ну было, — без тени смущения кивнул Ян Е. — Но ведь нам не привыкать! Жар у него случился только в самый первый раз, а потом всё шло как по маслу. Он и на боль не жаловался, и чувствовал себя сносно. К тому же вчера я держал себя в руках — от силы раза три или четыре.

Он озадаченно почесал затылок:

— Точно не помню, то ли три, то ли четыре... И что, ты хочешь сказать, он разболелся из-за такой малости?

Все присутствующие в шатре густо покраснели от неловкости. Ян Е же, казалось, вовсе не ведал, что такое стыд: его взор оставался чистым и бесхитростным.

Лекарь негромко кашлянул в кулак, пытаясь скрыть смущение:

— Полагаю, причина именно в этом, иных объяснений у меня нет. Почтенному маркизу следовало бы умерить свой пыл. Вы, безусловно, молоды и полны сил, однако три-четыре раза

за ночь — это чрезмерное испытание для столь хрупкого здоровья.

— С ума сойти! — заупрямился Ян Е. — Лично я чувствую себя превосходно. Да от такого воздержания и умереть со скуки недолго! И сколько же, по-твоему, положено за ночь?

Лекарю пришлось окончательно отбросить скромность:

— Раз в два дня — более чем достаточно. Вашей светлости ещё нет тридцати, но когда перешагнёте этот рубеж, приличным будет предаваться страсти не чаще раза в седмицу. К сорока же годам, когда разум обретёт зрелость, довольно будет и одного раза в полмесяца, дабы сберечь жизненные соки.

Ян Е презрительно хмыкнул и раздражённо махнул рукой:

— С такими советами и засохнуть недолго! Прочь, прочь, ступайте все отсюда. Я сам знаю, что мне делать.

Ян Си всегда держал слово. Раз обещал не вмешиваться в дела брата в эти дни, то и пальцем не пошевелил: даже поручений ему почти никаких не давал, полностью погрузившись в государственные дела.

Первым делом он велел отыскать искусных мастеров, чтобы те соединили отсечённую голову покойного Ян Тао с телом, придав трупу достойный вид, и лишь после этого уложили в гроб. Перевозить останки в Лоян, к фамильной усыпальнице на холмах Бэйман, было делом долгим и хлопотным, к тому же это могло породить ненужные толки в столице. Рассудив так, Ян Си распорядился предать прах земле без лишней помпы, выбрав уединённое место в окрестностях Янчжоу.

Затем пришёл черёд указов: новый правитель улещивал столичных сановников, усмирал волнения среди простого люда и спешно готовил поход на Лоян. Бэйчэнь Цин, несмотря на раненую руку, всюду следовал за ним как тень.

Тем не менее, каждый вечер во время ужина Ян Си неизменно призывал младшего брата к своему столу для неспешной беседы. За едой он ни разу не обмолвился о Лин Шу, терпеливо ожидая, когда упрямец сам одумается и раскается.

Однако Ян Е и не думал каяться. Все дни напролёт он проводил в своём шатре, не отходя от постели больного.

Снадобья старого лекаря подействовали: уже на следующий день сильный жар угас, сменившись лёгкой лихорадкой. Лин Шу пришёл в себя, но взгляд его оставался туманным и отрешённым. Он целыми часами хранил молчание, безучастно уставившись в одну точку. Когда Ян Е подносил к его губам ложку, он послушно глотал пищу. По ночам, когда маркиз

прижимался к нему в темноте, Лин Шу не сопротивлялся и не пытался оттолкнуть его — лишь безмолвно лежал, холодный и неподвижный, точно мертвец.

Нависая над ним, Ян Е легонько ткнул пальцем его бледную щёку. Полуприкрытые глаза пленника тускло поблёскивали, лицо казалось окаменевшей маской. Ян Е почувствовал укол безотчётного страха. Присмотревшись к Лин Шу повнимательнее, он тихонько прошептал:

— Лин Шу... Ну улыбнись мне. Или скажи хоть слово. Если заговоришь — клянусь, сегодня я тебя не трону.

Ответа не последовало. Подождав ещё немного, Ян Е вздохнул:

— Молчание — знак согласия. Так что уговор в силе, и не говори потом, что я принудил тебя. В конце концов, я столько дней изнывал от воздержания, надо же мне выпустить пар. Будем считать — один раз в день. Можешь мысленно обзывать меня хоть последней скотиной, мне всё равно.

Продолжая что-то бессвязно бормотать, он принялся за своё.

В самый разгар любовных утех, когда безумная страсть окончательно затмила разум, Ян Е не сдержался и навалился слишком грубо. Ощувив острую боль, Лин Шу невольно издал тихий, хриплый стон.

Ян Е тут же замер и склонился к его уху, засыпая встревоженными расспросами:

— Лин Шу, тебе больно? Скажи мне, что не так? Что ты хочешь сказать?

Тот вновь умолк, погрузившись в прежнее оцепенение. Напрасно прождав хоть какого-то отклика, Ян Е с досадой воскликнул:

— Да сдался тебе этот покойник! Ну придушил случайно — делов-то! Будто на твоих руках крови мало? Стоит ли так убиваться? Раз так, раз ты упорно меня не замечаешь... пеняй на себя!

Так тянулось больше недели, но Лин Шу по-прежнему оставался безучастен к его ласкам и угрозам. Лекарь, которого Ян Е призывал чуть не каждый день, лишь разводил руками: потрясение оказалось слишком глубоким, разум больного помутился от горя, и теперь оставалось лишь запастись терпением, окружить его заботой и ждать — время само всё излечит.

С тех пор каждый вечер Ян Е принимался терпеливо нашептывать Лин Шу всякие глупости, тщетно вымаливая хоть единое слово. И пусть в ответ звучала лишь тишина, это не мешало маркизу вновь и вновь делить с ним ложе. Он походил на капризное дитя, заполучившее

дорогую игрушку, которую ни на мгновение не желал выпускать из рук.

За этой беспутной жизнью дни летели незаметно, стирая ощущение времени. Но безмятежности настал конец: в одно прекрасное утро Ян Си прислал к брату Бай Тинби с известием. Все дела в Янчжоу были улажены, войско выступало на следующий день — им надлежало вернуться в Лоян до наступления новогодних праздников.

Шестой принц Ян Ле с супругой уже дожидались их в Цзиньлине, намереваясь присоединиться к каравану. Воевода Цзюнь Вэнчжэ прислал для Ян Си несколько великолепных речных судов, приглашая его нанести визит в Цзиньлин. Намерения Ян Си были просты: подняться по реке до Цзиньлина, переговорить с Цзюнь Вэнчжэ, забрать семью шестого брата, а по прибытии в Уху сойти на берег и двинуться в Лоян по широкому тракту через Хэфэй и Луань.

Ян Е, снедаемый чувством вины перед старшим братом, наотрез отказался подниматься на борт его флагмана, невзирая на то, что для него там уже приготовили роскошные покои. Вместо этого он распорядился погрузить свои пожитки и сонного Лин Шу на другое судно.

О каждом шаге маркиза тут же доложили Ян Си. Тот помрачнел пуще прежнего, но смолчал. Стоявший рядом Бэйчэнь Цин негромко промолвил, пытаясь умиротворить господина:

— Ваше Высочество... оставьте его. Пускай тешится.

Ян Си одарил его гневным взглядом, пренебрежительно фыркнул и, резко взмахнув широкими рукавами халата, стремительно вышел вон.

Среди ратников Ян Е, при всём их мужестве, нашлось несколько досужих сплетников, которые разносили слухи быстрее базарных торговки. Проведав о гневном брате, маркиз не на шутку затрепетал.

Настал день отплытия. Когда суматоха улеглась, тяжёлые корабли выстроились посреди широкого русла реки Янцзы. В окружении быстроходных боевых джонок сопровождения величественный флот снялся с якоря и медленно двинулся против течения.

Спустя три дня на горизонте показались стены Цзиньлина. Сойдя на берег, Ян Си в сопровождении брата нанёс визит воеводе Цзюнь Вэнчжэ, после чего на борт поднялись князь У с супругой. Надолго задерживаться в городе они не стали: корабли вновь подняли паруса и взяли курс на Уху.

Всю дорогу Ян Е всячески избегал встреч с братом, и тот платил ему тем же. Но когда флот приблизился к границам Уху, Ян Си прислал к нему Вэй Линьсяня со строгим наказом: до пристани осталось не более двух дней пути. В Уху им предстояло спешиться и пересечь в седла, поэтому маркизу велели готовиться к долгой скачке и не забывать о данном ранее предупреждении.

Пропустив эти слова мимо ушей, Ян Е выпроводил посланника вон. Зайдя в душную каюту, он застал Лин Шу в прежней позе: тот отвернулся к переборке, делая вид, что крепко спит, и наотрез отказывался принимать целебный отвар. Лишь после долгих и терпеливых уговоров маркизу удалось влить горькое снадобье ему в рот.

Дождавшись, пока Лин Шу погрузится в глубокий, навеянный сонной травой сон, Ян Е вышел на палубу. Одинокó встав у самого носа корабля, он опёрся на резные поручни и уставился на воду.

Деревья по берегам тонули в сизом предзимнем тумане, точно призрачные клубы дыма, а вечный ропот речной волны складывался в унылую, протяжную мелодию старинного циня. Ян Е вглядывался в бесконечную водную гладь, сливавшуюся на горизонте со свинцовым небом, и из груди его вырвался тяжёлый, полный тоски вздох.

Пока он предавался безрадостным думам, на корме идущего впереди судна мелькнула знакомая фигура — это господин Жэнь Гуань тоже вышел полюбоваться речными просторами.

В голове Ян Е мгновенно созрел план. Он резко обернулся к следовавшему за ним тенью Чжунли Чжэню:

— Ступай на переднее судно и позови ко мне господина Жэня. Передай, что у меня припасено отменное вино и я жажду разделить с ним чашу.

<http://bllate.org/book/19546/1998857>